

Не повторить бы нам ошибок прошлого

Закончилась вечерняя служба... Старушки, едва касаясь поручня, неспешно покидали Покровскую церковь. На паперти они поворачивались лицом к храму и, шепча молитву, творили крест...

И вот с ощущением какой-то особой торжественности и соборности я вошёл в православный храм. Железные бочки с краской, в два ряда стоящие справа от входа и явно диссонирующие с позолотой икон, царапнули по сознанию. Отец Иоанн (в миру Иван Андреевич Беляков), священник Покровской церкви и благочинный Переславского района, так пояснил нахождение здесь этой тары: «Не располагаем мы пока своей бытовкой или кладовкой, называйте как хотите, которую бы можно было использовать под хозяйственные нужды».

В своё время священнослужители ставили этот вопрос перед городскими властями — думали заполучить стоящий рядом, вросший в землю двухэтажный «особняк» — но что-то в последний момент не сработало...

— Сейчас многие молодые люди стали всё чаще креститься, причащаться и так далее. Что это: увлечение внешней стороной церковных обрядов или осознанная вера?

— Да, действительно, я всё чаще вижу молодые лица, особенно по большим церковным праздникам и выходным. Придут, зажгут свечки, постоят, полюбуются. Раньше они боялись причащаться, исповедоваться здесь. Всегда ездили для совершения таинств Москву или Загорск, где их никто не знает. А теперь часто крестятся, венчаются в нашей церкви. Но и непонимания ещё много. Пришли как-то со «Славича» несколько комсомольцев с проверкой. Дайте, говорят, нам книгу записи. Я, правда, набрался смелости, сказал им: «Ребята, не время сейчас, мы должны объединяться, а вы как-то... Ну, окрестили молодые своего ребёнка, так разве можно из-за этого их очередь на квартиру отодвигать?.. Не время...»

— Один мой знакомый рассказал историю, которая потрясла его, мальчишку, да и не только его. Это было в Сталинграде, сразу после войны. В одном из потрёпанных немцами храмов шла служба. На улице в это время начался дождь. и кровля дала течь. Вода стекала по иконостасу, а людям казалось — святые плачут...

Это настолько потрясло сознание верующих, что послужило первотолчком к незамедлительному восстановлению храма. Был объявлен сбор средств. Люди, естественно, откликнулись. Чем и как, на ваш взгляд, необходимо воздействовать на сознание и чувства наших верующих и неверующих, чтобы ожила работа по сохранению и восстановлению чудом уцелевших церквей, монастырей, часовен?

— Если говорить о возможности использования церквей по их прямому назначению, то инициатива здесь должна принадлежать общине верующих, насчитывающей не менее 20 членов. Им нужно обратиться с этой просьбой в гор- или райисполком и согласовать вопрос с архиереем.

С тех пор, как я живу в Переславле, я хотел сделать Смоленско-Корнилиевскую церковь действующей. Но мне не дали. Что произошло — известно. И посмотрите, как символично опять: пока в кельях жили люди — церковь держалась. Мне рассказывали, что после войны была возможность её оживить, но верующие не взялись — испугались ремонта. Не повторить бы нам ошибок прошлого.

Я приветствую сегодняшнее стремление Института программных систем взять под свою опеку церковь Святого Георгия в Вёськове. Он уже получил согласие владыки, провёл необходимые обмеры, составил смету расходов. В церковь вдохнут жизнь, и она выстоит. Нельзя не радоваться и при виде восстанавливаемого Фёдоровского монастыря.

Кроме того, нужно создавать конкретные благотворительные фонды на реставрацию конкретных монастырей или церквей, чтобы люди, отдавая деньги, знали, куда они идут.

Церковь не останется в стороне от этого благородного дела. Мы можем также подумать о проведении службы под открытым небом на территории, скажем, Никитского монастыря или в Успенском соборе Горицкого.

— Как вы относитесь к решению горисполкома о закрытии городского и Сокольского кладбищ? Ведь насколько мне известно, на некоторых кладбищах Москвы и Ленинграда подзахоронения разрешены...

— Я знаю, что это больной вопрос, общественность волнуется... Мне трудно оспаривать это решение, лишь скажу, что подзахоронения разрешены и на кладбищах Ташкента, где я раньше жил.

Конечно, необходимо восстановить и Черниговскую часовню, освятить её, зажечь лампаду в память об усопших... Но где гарантия, что её потом не осквернят вновь?..

— И последний вопрос: почему так дороги церковные книги? Молитвослов стоит 30 рублей, Библия — 150—200 рублей. Не спекуляция ли это на ожившем интересе к религии?

— Вопрос, наверное, не совсем по адресу. Могу лишь вспомнить, что в 1956 году было первое издание Библии в советское время. Стоила она тогда шесть рублей. Цена переизданной Библии подскочила до 60 рублей. А сейчас в Москве, на «чёрном» рынке, она стоит что-то около пятисот. Можно предположить, что проблемы церковного книгоиздательства перекликаются с проблемами светских газет и журналов, особенно неформального толка: дефицит бумаги, несовершенство полиграфической базы и так далее.